

Феномен толпы в отечественной психологии: концепция В.К. Случевского

Д.С. ГОРБАТОВ*,
Санкт-Петербург, Россия,
gorbatov.rus@gmail.com

В статье описывается содержание концепции толпы, разработанной отечественным правоведом и общественным деятелем В.К. Случевским (1893). Уточняются ее принципиальные отличия от других концепций начального этапа изучения данного феномена, раскрывается нравственный потенциал психологических воззрений В.К. Случевского. Специфика толпы как социально-го объединения, свойства толпы, факторы ее образования, изменения личности в толпе, проблема предупреждения, пресечения и уголовного наказания за массовые преступления — таковы некоторые вопросы, интересовавшие автора одной из первых концепций стихийных групп.

Ключевые слова: толпа, концепция толпы В.К. Случевского, свойства толпы, влияние на личность в толпе, массовая агрессия, противодействие массовой агрессии.

Обронив в одной из своих работ фразу «Всемирно известно, что психология толпы была создана Лебоном» [7, с. 47], С. Московичи заметно отклонился от истины. С точки зрения хронологии, труд популярного французского исследователя [14] предшествовало не менее полдюжины книг и статей, большинство из которых давно не упоминается в перечнях научных источников по проблематике стихийных социальных объединений. Бойкость пера и безудержность полета

мысли Г. Лебона заслонили вклад в психологию толпы С. Сигеле [16], А. Фурниаля [15], Г. Тарда [17] и других западноевропейских исследователей, многие идеи которых заимствовались их талантливым продолжателем без упоминаний подлинного авторства. Что касается отечественных публикаций «долебоновского» периода, то среди них, в первую очередь, следует выделить теорию «героев и толпы» (1882) публициста и литературного критика Н.К. Михайловского [6] и

Для цитаты:

Горбатов Д.С. Феномен толпы в отечественной психологии: концепция В.К. Случевского // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 21–29. doi: 10.17759/sps.2015060302.

* Горбатов Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, профессор кафедры Менеджмента массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, gorbatov.rus@gmail.com

оригинальную концепцию (1893) профессора уголовного права В.К. Случевского [10; 11].

Если воззрения Н.К. Михайловского получили приемлемое отражение в современных исследованиях [2; 5; 8; 12 и др.], то содержание идей В.К. Случевского (1844—1926) еще не становилось предметом отдельного рассмотрения. Проанализируем данную концепцию, обращая внимание на те составляющие, которые оказали влияние на развитие представлений о толпе в российской общественно-научной мысли конца XIX — начала XX в.

Определяя предмет своего исследования, В.К. Случевский противопоставил толпу случайному множеству людей, объединенных местом и временем, но никак не связанных между собой (агрегации — Д.Г.). В отличие от прохожих на многолюдной улице в подлинной толпе существуют «точки соприкосновения со стороны психической и... почва для развития единства мысли, чувства и симпатии» [10, с. 10]. Заметим, что заключительная часть данной формулировки, указывающая на когнитивные и аффективные аспекты образования толпы, во многом совпадает по смыслу со следующей фразой Г. Тарда: «Общая вера, общая страсть, общая цель — такова ... жизненная основа этого странного живого существа, которое мы называем толпой. От особенностей этих руководящих страстей, идей и целей зависит и различие между толпами» [17, с. 355]. Помимо этого, Г. Тард особо упоминал и симпатию «как животворящее начало сообществ» [17, с. 354].

Возможно, в данном случае речь должна идти о влиянии идей французского ученого на трактовку феномена толпы В.К. Случевским. Но значение

этого влияния не следует преувеличивать. Достаточно заметить, что названные исследователи принципиально различным образом интерпретировали процессы воздействия на личность в толпе. Согласно позиции Г. Тарда, получившей развитие в книге С. Сигеле [16], изменения личности, подчас напоминающие степень психопатологической выраженности, прежде всего, связаны с потребностью членов толпы подражать окружающим и с внушением в их адрес со стороны выделившихся вожаков. Точка зрения В.К. Случевского была сформулирована следующим образом: «...в каждом живет зверь, действия которого сдерживаются нравственными мотивами, частью прирожденными, частью же развитыми путем воспитания» [10, с. 33]. Пребывание в толпе лишь создает условия к тому, чтобы прежде надежно скрытые «в тайниках человеческой души, вне сферы сознания» [10, с. 36] психические начала такого рода проявили себя во всей полноте и определенности. Толпа, с одной стороны, способна придать любым импульсам своих членов чрезвычайную силу и, с другой стороны, уменьшить до ничтожных размеров сопротивление им, столь действенное в повседневной жизни. «Кто только в мыслях своих, самопроизвольно возникших и затем бесследно исчезнувших за отсутствием потребной для их дальнейшего развития почвы в личных его свойствах, не совершал тяжких преступлений или, по крайней мере, не желал наступления таких событий, для осуществления которых он никогда не решился бы приложить руку!» — писал В.К. Случевский [10, с. 37].

Данный тезис вызвал ряд ожидаемых возражений. Так, Н.К. Михайловский в работе «Еще о толпе» иронично заметил:

«Ныне вошло в большую моду сваливать все беды на злую природу человека, унаследованную им от далеких предков... Как и всякая мода, она скоро пройдет» [6, с. 451]. В процессах изменения личности толпой он предпочел поставить на первое место то ощущение «бесконтрольной власти и силы», которое «у толпы кружит головы до кровожадности» [6, с. 453]. В свою очередь, Д.Д. Безсонов [1] увидел в рассуждениях об усилении в толпе изначально присущих асоциальных предрасположенностей противоречие с другим принципиально важным положением своего авторитетного предшественника: «...человек с развитым сердцем и с культурным чувством чести не решится приобщиться к толпе, отдавшейся кровожадным инстинктам, а присоединившись к ней и увлекшись ею, проявит более умиротворяющих начал, нежели человек, не обладающий этими личными свойствами» [10, с. 12]. Однако есть основание полагать, что это противоречие мнимое, так как в обоих случаях В.К. Случевским говорилось о возможности сдерживания негативных проявлений бессознательного характера в условиях толпы. В целом следует признать, что суждение о проявлениях некоего «звериного начала» со времен Т. Гоббса [4] сохраняло известную востребованность в общественных науках (см.: С. Сигеле [16, с. 60–62]) и не хуже своих альтернатив позволяло объяснить факт индивидуальных различий при решении проблем, связанных с определением меры вменяемости и степени ответственности участников массовых беспорядков, что для правоведа В.К. Случевского имело особое значение.

Описывая толпу как единый организм, совокупное существо, образованное

доминированием общей идеи и чувства над повседневными заботами каждого, В.К. Случевский не согласился с позицией С. Сигеле [16], предлагавшего отнести к ней суд присяжных, парламентское собрание, ту или иную комиссию. Последовательное противопоставление «личной толпы» подобным социальным объединениям позже позволило Н.К. Михайловскому [6], Д.Д. Безсонову [1], В.М. Бехтереву [3] и А.С. Резанову [9] избежать неоправданно широкого толкования базового понятия, которое было характерно для ряда западноевропейских исследований того времени [13; 16].

Предпринятая В.К. Случевским попытка систематизации свойств этого «организма» основывалась на выделении признаков общих, «вполне космополитического характера», и частных, по совокупности которых «новгородская толпа, действовавшая во времена Великого Новгорода, ...отличается другими красками и контурами, нежели та новгородская толпа, которая в наше время в пределах Тихвинского уезда сжигала колдунью Афросинью» [10, с. 11].

В перечень обязательных, общих для любой толпы, им были включены четыре свойства, а именно:

- чрезвычайная возбудимость по самым ничтожным поводам;
- моноидеизм как господство одной идеи или чувства над остальными, приводящее к тому, что «ничего другого для толпы не существует, там только мрак, в котором ни толпа, ни ее участники в отдельности разобраться не могут и разогнать его не в силах» [10, с. 23];
- легковерие, в силу которого недостаток фактов успешно компенсируется нелепыми домыслами и даже галлюцинациями;

— жестокость действий, подчас достигающая запредельной выраженности.

Как следствие, попадая под влияние толпы, «человек перестает быть вполне нормальным субъектом, он изменяет часто тем обычным свойствам, которые характеризуют его в будничной жизни; он делается таким же возбудимым, легковерным и односторонним в своих суждениях и чувствах, как и сама толпа, и легко превращается в такого же зверя, как она» [10, с. 35].

Надо заметить, что отечественные исследователи толпы высказали возражения против включения некоторых из этих свойств в перечень атрибутивных. В частности, Н.К. Михайловский [6] справедливо отметил, что жестокость не присуща любой толпе, и объяснил акцентирование внимания на ней В.К. Случевского шокирующим впечатлением от холерных беспорядков начала 90-х гг. XIX в., а также влиянием идей С. Сигеле и Г. Тарда. В.М. Бехтерев [3] связал жестокость толпы с проявлением высокой возбудимости, т. е., фактически, признал ее производной от иного атрибутивного признака. Д.Д. Безсонов [1], также усомнившись в неперемнной жестокости толпы, указал, что и ее легковерие является лишь следствием господства устоявшейся идеи, а не самостоятельным признаком. А.С. Резанов [9] счел возможным констатировать, что каждое из этих свойств (за исключением моноидеизма) выделено со значительной степенью голословности, преувеличения и пристрастности.

Что же касается свойств частных, отличающих одни толпы от других, то В.К. Случевский отнес к ним те, которые возникают в силу влияния на окружающих отдельных личностей, а также обус-

ловленные отпечатком национального характера, духом эпохи и особенностями социально-экономического уклада.

Любопытно, что в категорию частных свойств автор анализируемой концепции включил один из признаков толпы, который Г. Тард, напротив, посчитал принципиально значимым, позволяющим с первого взгляда установить, что группа людей «из случайного скопища вдруг стала одной колоссальной личностью, в которой слились тысячи лиц» [17, с. 354]. Речь идет о «коллективном самолюбии», «крайней гордости и тщеславии» [17, с. 355]. Согласно В.К. Случевскому, указанная метаморфоза обусловлена тем, что значительное большинство из состава толп принадлежит к низшим слоям населения, живущим в условиях тягостной борьбы за существование. Неудовлетворенные потребности в признании и уважении в ситуации общественного противостояния получают гипертрофированную реализацию: «Он, этот совсем невидимый человек нагнал на всех страх. Перед ним преклоняют колени и простирают руки потерпевшие, прося его пощады или защиты. Он — полный господин положения... Это ли не обстановка для увлечения, для того, чтобы потерять всякое самообладание!» [10, с. 38].

Характеризуя различия между причинами и поводом к массовой агрессии, В.К. Случевский отметил, что в качестве последнего может выступить любое событие, совершенно не релевантное как имеющимся предпосылкам, так и трагическим последствиям. Так, например, один из ожесточенных погромов начался с разбитой и неоплаченной рюмки в кабаке; холерный бунт вспыхнул во всей разрушительной силе после попытки перенести больную в клинику; военные

беспорядки последовали за дерзким выкриком из строя и т.п. Конкретный повод не важен в тех случаях, когда «накопившиеся в массе идеи и чувства требуют разрешения, и это последнее ожидает лишь внешних условий для своего проявления. Как при одинаково настроенных струнах, удар по одной струне вызывает общее их дрожание, так и в толпе, отдавшейся одному влечению, ничтожное и случайное обстоятельство заставляет... индивидуумов подражать друг другу» [10, с. 17]. По его мнению, в подобных ситуациях вожаками толпы становятся любые лица, активнее других выражающие общие идеи и чувства. В частности, женщины или дети, легче попадая под влияние непосредственного окружения и ситуативных переменных, подчас начинают играть несвойственную им определяющую роль. Что же касается тех, кто не находится под влиянием импульса к немедленным действиям, то они, пришедшие «только посмотреть», своим присутствием придают толпе больше веса и силы, а следовательно, и готовности действовать.

Сравнительно большее внимание, чем его западноевропейские современники, В.К. Случевский уделил социальным факторам, создающим основу для духовного единства толпы. Тягость условий жизни того времени и надежда на скорые изменения собирали приверженцев Разина или Пугачева, надвигающаяся холера будила суеверия и обостряла недоверие к представителям иных сословий, общее обнищание переносило тяжесть неразборчивого народного гнева с ростовщиков и содержателей питейных домов на случайные жертвы — единство в мыслях и переживаниях невозможно без определенной почвы.

Особый интерес в концепции В.К. Случевского вызывает то, что в социальной психологии XX в. получило наименование «посылов к агрессии» [13], ситуативных переменных, которые, невольно ассоциируясь с насилием, «запускают» соответствующую реакцию по типу условного рефлекса. Так, одну из жертв массовой агрессии погубил невольно вырвавшийся жалобный крик, другую — униженные мольбы, третью — не вовремя выпавшее из кармана оружие. Аналогично, толпу погромщиков «звон битого стекла, разлетающиеся по воздуху перья из распоротых перин, крики «Ломай! Бей!» и тем более вид крови, страданий и смерти электризует... и заставляет развивать страшную стихийную разрушительную силу» [10, с. 35]. Под впечатлением такого рода импульсов, ломающих последние барьеры на пути «кровожадного инстинкта», толпа переходит от убийств к глумлению над трупами, бессмысленному уничтожению домашних животных и разрушению до основания жилищ своих жертв.

В статье, основу которой составил доклад, прочитанный в уголовном отделе Петербургского юридического общества, В.К. Случевский не мог обойти вниманием проблему общественной опасности агрессивной толпы. Среди способов противодействия массовому насилию он выделил три аспекта: предупреждения, пресечения и уголовного преследования.

Диапазон мер *предупреждения*, по его мнению, чрезвычайно широк: «все, способное отвлечь толпу от давления того чувства, на котором она сосредоточилась, и способное благотельно повлиять на нее, освободив личность слившегося с толпой человека от гнета, от угроз и возбуждаемого ею страха, — все это должно

быть применимо» [11, с. 18]. Рассуждая о том, что не существует никаких универсальных рецептов, В.К. Случевский, помимо традиционной тактики уговоров и запугиваний со стороны властей, отмечал уместность обращения к нравственному и религиозному чувству собравшихся, а также высоко оценивал роль умело брошенного в толпу острого словца или находчивого действия, начиная от своевременной демонстрации портретов государя до подкупа водкой (!).

В отношении мер пресечения массовой агрессии автор, ссылаясь на закон от 3 октября 1877 г., регламентировавший применение военной силы для подавления беспорядков¹, писал: «если меры убеждения и успокоения толпы не найдены, то необходимо прибегнуть к самым крайним способам действия для того, чтобы сдержать осуществление преступных инстинктов толпы. Дикий зверь вышел из клетки, стихийная сила перешла тот рубикон, за которым создается опасность для личности, общества и государства и начинается ряд преступных действий, вредные последствия которых невозможно даже предусмотреть» [11, с. 21]. Надо заметить, что в этом его позиция не отличалась от рассуждений С. Сигеле [16] и Г. Тарда [17] о допустимости любых способов защиты общественного порядка от агрессивной толпы.

В том, что касается уголовного преследования за преступления, совершенные в составе толпы, В.К. Случевский выделил несколько значимых проблем юридического характера. Во-первых, далеко не всегда суд способен обоснованно отделить виновных от соучастников, свидетелей или потерпев-

ших, хотя бы потому, что в толпе «жертвами насилия могут сделаться и те, и другие, и третьи» [11, с. 15]. Во-вторых, гораздо проще осудить, к примеру, лиц, разрушивших здание, но не всегда очевидна вина тех, кто снабдил их нужным инструментом, уничтожил отнесенный в сторону материал, каким-то образом затруднил действия правоохранителей или ограничился лишь выражением одобрения разрушителям. В-третьих, перед судом нередко предстают только те, кого задерживали целыми группами в спешке, сгоряча. Среди них преобладают пассивные элементы толпы, отставшие от ее ядра или не сопротивлявшиеся аресту, тогда как подлинные «ководы смуты» ускользают. В-четвертых, подсудимые, в прошлом попавшие под влияние толпы, в ожидании приговора пребывают уже в ином состоянии — подавленности и раскаяния, не представляя больше угрозы для общественного порядка.

Констатируя, что законодательство Российской империи позволяет распространить ответственность за содеянное на любого человека, примкнувшего к толпе (за исключением невменяемых по болезни лиц), В.К. Случевский настаивал на том, чтобы судебная власть в своих действиях исходила из приоритета общественной пользы и справедливости. С его точки зрения, уголовная кара должна распространяться только на тех, кто играл руководящую роль и своим примером увлекал других на путь преступления. Что же касается пассивного элемента толпы, на время поддавшегося чужому влиянию, то «уголовно-политические соображения могут побудить желать не столько наказания лиц, появив-

¹ По этому закону использование оружия допускалось как крайняя мера по исчерпанию всех других средств, применяемая только после трехкратного о том предупреждения сигналами и трубами, горном или барабаном (Приложение к статье 541 т. II свода законов по продолжению 1886 г.).

ших уже безумие своих действий, сколько забвения совершенного» [11, с. 16].

Рассуждая об особой значимости гуманизма и христианского милосердия «в наше склонное к озлоблению время» [11, с. 18], В.К. Случевский не мог и подозревать о том, что несет для России грядущий «век толп». Его концепция оказала заметное влияние на развитие представ-

лений о стихийных объединениях в отечественной общественно-научной мысли, но время существования самой этой традиции оказалось непродолжительным. Когда же после долгого перерыва российские исследователи вновь обратились к изучению толпы, вклад В.К. Случевского в данную проблематику остался в ряду несправедливо забытых.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Теории толпы в отечественной психологической мысли конца XIX— начала XX вв.», проект № 15-06-10091а.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безсонов Д.Д.* Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1907. 480 с.
2. *Белинская Е.П.* У истоков социальной психологии: сравнительный анализ «психологии масс» Г. Лебона и концепции «героев и толпы» Н.К. Михайловского // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2012. № 1. С. 9–18.
3. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921. 432 с.
4. *Гоббс Т.* Левиафан // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 5–285.
5. *Горбатов Д.С.* Теория «героев и толпы» Н.К. Михайловского: основные идеи // Социальная психология и общество. 2014. № 4. С. 5–13.
6. *Михайловский Н.К.* Сочинения: в 6 т. Т. 2. СПб.: Русское богатство, 1896. 886 стб.
7. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
8. *Почебут Л.Г.* Социальная психология толпы. СПб.: Речь, 2004. 240 с.
9. *Резанов А.С.* Армия и толпа. Опыт военной психологии. Варшава: Варшавская эстетич. тип., 1910. 103 с.
10. *Случевский В.К.* Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 4. С. 5–38.
11. *Случевский В.К.* Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 5. С. 5–23.
12. *Хевешш М.А.* Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. М.: ИФРАН, 2001. 229 с.
13. *Berkowitz L.* The frustration-aggression hypothesis revisited // Roots of aggression: A re-examination of the frustration-aggression hypothesis / Ed. L. Berkowitz. N.Y.: Atherton Press, 1969. P. 1–28.
14. *Bon G., Le.* Psychologie des foules. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Cie, 1895. 200 p.
15. *Fourmial H.* Essai sur la psychologie des foules: considerations medico-judiciaires sur les responsabilites collectives. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson, 1892. 113 p.
16. *Sighele S.* La foule criminelle. Essai de Psychologie Collective. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Cie, 1892. 185 p.
17. *Tarde G.* Les crimes des foules // Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique. 1892. Т. 7. P. 353–386.

The Phenomenon of the Crowd in Russian Psychology: V.K. Sluchevsky's Concept

D.S. GORBATOV*,
Saint Petersburg, Russia,
gorbatov.rus@gmail.com

The article describes the concept of the crowd proposed by a Russian lawyer and public figure V.K. Sluchevsky (1893). It focuses on its principal differences from other concepts of this initial period and reveals the moral potential of Sluchevsky's views in psychology. Among the issues that were of particular interest to the author of one of the first concepts of spontaneous groups were the specifics of the crowd as a social association, features of the crowd, factors of its formation, changes in personality of individuals, and problems concerning the prevention and punishment of mass crimes.

Keywords: *crowd, V.K. Sluchevsky's concept of crowd, features of a crowd, influence on personality, mass aggression, resisting mass aggression.*

Acknowledgements

The research was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities ("Theories of crowd in Russian psychological thought of the late 19th-- early 20th centuries", project № 15-06-10091).

REFERENCES

1. *Bezsonov D.D.* Massovye prestupleniya v obshchem i voenno-ugolovnom prave [Mass crimes in general and military criminal law]. Saint Petersburg: tipo-lit. K.L. Pentkovskogo, 1907. 480 p.
2. *Belinskaya E.P.* U istokov sotsial'noi psikhologii: sravnitel'nyi analiz "psikhologii mass" G. Lebona i kontseptsii "geroev i tolpy" N.K. Mikhailovskogo [At the origins of social psychology: A comparative analysis "psychology of the masses" by G. le Bon and the concept of "heroes and crowds" by N.K. Mikhailovsky]. Bulletin of Moscow University. Ser. 14. Psychology. 2012. № 1. P. 9–18.
3. *Bekhterev V.M.* Kollektivnaya refleksologiya [Collective reflexology]. Petrograd: Kolos, 1921. 432 p.
4. *Hobbes T.* Leviatan [Leviathan]. Sochineniya [Writing]: v 2 t. T. 2. Moscow: Mysl', 1991. P. 5–285.

For citation:

Gorbatov D.S. The Phenomenon of the Crowd in Russian Psychology: V.K. Sluchevsky's Concept. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 21–29. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060302.

* *Gorbatov Dmitriy* – Doctor in Psychology, professor at the Department of Management in Mass Communications, Faculty of Applied Communications, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, gorbatov.rus@gmail.com

5. *Gorbatov D.S.* Teoriya "geroev i tolpy" N.K. Mikhailovskogo: osnovnye idei [Mikhailovsky's theory of "heroes and crowd": Main ideas]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2014. № 4. P. 5–13.
6. *Mikhailovskii N.K.* Sochineniya [Writing]: v 6 t. T. 2. Saint Petersburg: Russkoe bogatstvo, 1896. 886 p.
7. *Moskovichi S.* Vek tolpy. Istoricheskii traktat po psikhologii mass [Century of crowds. The historical treatise on psychology of masses]. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998. 480 p.
8. *Pochebut L.G.* Sotsial'naya psikhologiya tolpy [Social psychology of the crowd]. Saint Petersburg: Rech', 2004. 240 p.
9. *Rezanov A.S.* Armiya i tolpa. Opyt voennoi psikhologii [The army and the crowd. The experience of military psychology]. Warsaw: varshavskaya estetich. tip., 1910. 103 p.
10. *Sluchevskii V.K.* Tolpa i ee psikhologiya [Crowd and its psychology]. *Knizhki nedeli* [Books of the week]. 1893. № 4. P. 5–38.
11. *Sluchevskii V.K.* Tolpa i ee psikhologiya [Crowd and its psychology]. *Knizhki nedeli* [Books of the week]. 1893. № 5. P. 5–23.
12. *Kheveshi M.A.* Tolpa, massy, politika: Ist.-filos. ocherk [Crowd, masses, policy: Historico-philosophical essay]. Moscow: IFRAN, 2001. 229 p.
13. *Berkowitz L.* The frustration-aggression hypothesis revisited. *Roots of aggression: A re-examination of the frustration-aggression hypothesis* / Ed. L. Berkowitz. N.Y.: Atherton Press, 1969. P. 1–28.
14. *Bon G., Le.* Psychologie des foules. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Cie, 1895. 200 p.
15. *Fournial H.* Essai sur la psychologie des foules: considerations medico-judiciaires sur les responsabilites collectives. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson, 1892. 113 p.
16. *Sighele S.* La foule criminelle. *Essai de Psychologie Collective*. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Cie, 1892. 185 p.
17. *Tarde G.* Les crimes des foules. *Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique*. 1892. T. 7. P. 353–386.